

Научная статья

УДК 811.161.1'276.5

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-5-21

Речевой этикет русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX веков на примере переписок А. А. Шахматова

Алексей Дмитриевич Палкин

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

p-alexis@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9865-1693>

Аннотация

Рассмотрению подвергаются стилистические особенности эпистолярного жанра русской научной интеллигенции на примере писем А. А. Шахматова и его коллег. Письма были написаны на рубеже XIX–XX вв., на переходном этапе между двумя империями, и отражают научные интересы, общественно-политические взгляды и быт авторов переписок. Показано, что этикет написания писем подразумевал подчеркнутую вежливость, как то: непременно обращение на «Вы» с большой буквы, передача поклонов или приветов родственникам, избегание негативных эпитетов и позитивные оценки даже при описании ситуаций отрицательного характера. Бранная лексика или демонстрация ярко выраженных негативных эмоций используются в исключительных случаях. Как правило, свое негодование авторы писем предпочитают выражать при помощи знаков пунктуации (восклицательные знаки, многоточия). Эпистолярный жанр русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX вв. является уникальным в своем роде образцом корректности и доброжелательности коммуникативных актов. С уходом из жизни авторов рассмотренных писем ушел в прошлое и соответствующий стиль. Помимо собственно стилистики сообщений, обращают на себя внимание особенности быта и условия жизни людей того времени. Содержание исследованных писем свидетельствует о том, что и до поворотного 1917 г. и после русская научная интеллигенция жила небогато. Авторы писем неоднократно писали о своем стесненном финансовом положении, хотя необходимо признать, что после 1917 г. условия их жизни заметно ухудшились. Именно на этот последний период приходится наибольшее количество лексем с негативной коннотацией и именно в этот период мы начинаем отмечать появление бранной лексики в текстах некоторых авторов. Тем не менее показательно, что в России интеллигенция, которая в идеале должна быть двигателем прогресса, ни при какой власти той эпохи не воспринималась всерьез.

Ключевые слова

русская научная интеллигенция, А. А. Шахматов, переписка, эпистолярный стиль

Для цитирования

Палкин А. Д. Речевой этикет русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX веков на примере переписок А. А. Шахматова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 2. С. 5–21. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-5-21

© Палкин А. Д., 2025

Speech Etiquette of Russian Scientific Intelligentsia at the Turn of the 19th–20th centuries as exemplified by A. A. Shakhmatov's correspondence

Alexei D. Palkin

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation

p-alexis@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9865-1693>

Abstract

The article dwells on stylistic features of the epistolary genre of Russian scientific intelligentsia with A. A. Shakhmatov's and his colleagues' letters as a case of study. The letters were written at the turn of the 19th–20th centuries – the pivotal stage between the two empires – and demonstrate the corresponding authors' scientific interests, social-political views, and their daily round. It is made clear that the etiquette of writing letters assumed *empressement*, namely: infallible form of address with the capital letter "You", sending one's regards and love to relatives, avoiding negative epithets, and making positive assessments even while describing negative circumstances. Swear words and demonstration of salient negative emotions were used by way of exception. As a rule, the authors' outrage was expressed through punctuation (exclamation marks, dots). The epistolary genre of Russian scientific intelligentsia of the turn of the 19th–20th centuries is a unique specimen of communicative acts civility and benevolence. With the authors' death, the respective letter-writing style became obsolete. Apart from the messages stylistics, details of daily round and living conditions characteristic of the time concerned are taken into consideration. The content of the letters in question testifies to the fact that both prior and after the milestone year of 1917, Russian scientific intelligentsia lived in meager conditions. The authors wrote ever and again about their scanty financial situation, although it should be admitted that after 1917 their living conditions deteriorated significantly. It was that latter period that saw the greater part of negatively connoted lexemes and the first usage of swear words in the texts by certain authors. Nevertheless, it is noteworthy that Russia's intelligentsia of the period – that, ideally, was to ensure the nation's progress – was not taken seriously by either of the authorities in power.

Keywords

Russian scientific intelligentsia, A. A. Shakhmatov, correspondence, style

For citation

Palkin A. D. Speech Etiquette of Russian Scientific Intelligentsia at the Turn of the 19th–20th centuries as exemplified by A. A. Shakhmatov's correspondence. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 5–21. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-2-5-21

Введение

Данная статья выросла из нашей ранее опубликованной статьи о Ф. Ф. Фортунатове [Палкин, 2023]. В ней мы указали, в частности, на то, что Ф. Ф. Фортунатов был первым ученым, предложившим максимально точную морфологическую классификацию языков мира. Мы по-прежнему настаиваем на том, что именно его классификация из пяти групп языков, а не возведенная на подиум классификация В. фон Гумбольдта [Humboldt, 1836] из четырех групп, является наиболее удачной. Все учебники по типологии и все соответствующие разделы в учебниках по общему языкознанию нуждаются в ревизии и как минимуму в упоминании имени Ф. Ф. Фортунатова в связи с разработанной им классификацией.

Изучая влияние Ф. Ф. Фортунатова на развитие научной мысли в России, мы неминуемо обращаем внимание на его учеников, одним из наиболее заметных среди которых является А. А. Шахматов. В связи с этим мы решили обратить внимание на личность А. А. Шахматова как на одного из продолжателей дела Ф. Ф. Фортунатова, при этом мы сделаем акцент не на научных трудах ученого, а на сравнительно недавно опубликованных его переписках с коллегами, среди которых и сам Ф. Ф. Фортунатов, и норвежский русист О. Брок, и другие.

Когда пишешь об истории жизни некоторого ученого, обычно хочется написать, что ученый этот был выдающимся и внес неоценимый вклад в развитие науки. Мы отойдем от этой

традиции и просто констатируем, что по сути А. А. Шахматов был хорошим ученым со своими достоинствами и недостатками. Это замечали, в частности, его современники, чему свидетельством критическая записка В. М. Истрина, которую он направил лично А. А. Шахматову 09.03.1900: «Приступив ближе к знакомству с Вашими статьями по летописям, я постоянно встречаю замечание «продолжение следует». Это останавливает сделать проверку Ваших выводов, так как считаешь решение данного вопроса незаконченным, тем более, что у Вас есть странная манера в апреле отказываться от того, что сказали в марте. Ввиду этого приходится желать окончить Ваши начатые статьи. Самое лучшее было бы, если бы Вы переработали вновь и издали в одной целой книге. Не сделаете ли Вы эту попытку? В теперешнем виде Ваши выводы представляют большую трудность как для усвоения, так в особенности для критических замечаний» [Шахматов, 2018. С. 757–758]¹.

Однако отдадим должное таланту А. А. Шахматова. Ему принадлежит плеяда важных работ, которые представляют большой интерес для ряда лингвистических направлений, прежде всего сравнительно-исторического языкознания (среди них «К истории сербско-хорватских ударений», 1888; «Историческая морфология русского языка», 1957; «Исследования в области русской фонетики: История звуков «о» и «е» в русском языке», 2015; «Учение о частях речи», 2006; «Сказание о призвании варягов: исследование», 2011 и др.).

Переписки А. А. Шахматова подтверждают хорошо известный факт о том, что Ф. Ф. Fortunatov, имея россыпь гениальных идей, публиковался сравнительно редко, по каковой причине не мог претендовать на всемирное признание. Вот что писал А. А. Шахматов Ф. Фортунатову 07.05.1894: «Что бы сказал Соссюр, если бы знал Вас лично, а не по одним малочисленным Вашим статьям! В сущности, например, о литовском ударении у Вас ничего нет напечатанного. Мне приятно, когда иностранцы путем кропотливых и глубокомысленных исследований, которые должны увековечить их научную славу, приходят к тому, к чему Вы уже давно пришли. А скоро то же будет с русскими с тою лишь разницею, что постоянно возможно будет подозрение в пользовании Вашими лекциями или словесными указаниями» [Шахматов, 2018. С. 88].

Именно из переписок А. А. Шахматова мы узнаем о том, что у истоков реформы русского правописания стоял Ф. Ф. Фортунатов. Данная реформа часто отождествляется с именем А. А. Шахматова, вложившего немало сил в это предприятие. Однако вот что пишет сам А. А. Шахматов в письме О. Броку от 26.05.2017: «Нам пришлось на днях довершить дело, начатое Филиппом Федоровичем (Фортунатовым. – А. П.) – реформу правописания. Горячо взялось министерство народного просвещения...» [Шахматов, Брок, 2021]. На протяжении нескольких лет А. А. Шахматов с группой единомышленников и при государственной поддержке трудился над реформой правописания, но, как мы понимаем из приведенной выше цитаты, всей этой реформы могло и не состояться, если бы не гений Ф. Ф. Фортунатова. Работа над данным проектом была завершена очень своевременно – всего за несколько месяцев до октябрьского переворота, ввергнувшего страну в нищету и поставившего всех – в том числе ученых – на грань выживания. Испытаний большевизмом А. А. Шахматов не перенес и скончался в 1920 г. в результате сильно пошатнувшегося здоровья после пары голодных годов и холодных зим².

Научное наследие А. А. Шахматова исследовано достаточно тщательно. Приведем одну цитату: «Шахматов оставил заметный след в истории отечественной лингвистики: его работы по проблемам происхождения русского языка, развития русского литературного языка, по изучению русских диалектов на широком славянском фоне, по синтаксису современного русского языка до сих пор актуальны, самобытны и оригинальны и свидетельствуют о богатой интуиции ученого, об уникальном его методологическом подходе – исторический принцип тесно переплетался в его исследованиях с психологическим подходом. Шахматов остался и един-

¹ Показательно, что в конце письма В. М. Истрина посчитал необходимым принести извинения за критику: «Вы простите меня за резкость» [Там же. С. 758].

² Трагическая судьба семьи Шахматовых заключается еще и в том, что вдова и все три дочери А. А. Шахматова погибли в 1941–1942 гг. в блокадном Ленинграде.

ственным в истории отечественной лексикографии создателем концепции словаря-тезауруса русского языка: словаря, в который должны были быть помещены все слова русского языка, употребленные хотя бы раз в русском языке за всю историю его существования» [Вовина-Лебедева, Сиренов, 2015. С. 5].

Итак, в данной статье научная деятельность А. А. Шахматова будет рассмотрена опосредованно. Немалый интерес представляет то эпистолярное наследие, которое оставил этот ученый и которое спустя столетие было опубликовано и стало доступно для анализа. В задачи настоящей статьи входит рассмотрение речевого этикета, характерного для научной интеллигенции того периода – периода во всех смыслах революционного, периода перехода от авторитарной власти самодержавной Российской Империи к не менее (если не более) авторитарной власти Советского Союза, которая базировалась на другом принципе – однопартийности политической системы, воплощавшей диктатуру пролетариата. Этот этикет со всей очевидностью отличается от принятого в повсеместно распространившейся электронной переписке, ставшей отличительной особенностью обмена информацией в первой половине XXI в.

Наше исследование будет основано на двух изданиях переписок А. А. Шахматова со своими коллегами [Шахматов, 2018; Шахматов, Брок, 2021]. Изучению подлежат все письма, вошедшие в эти издания, за исключением писем О. Брока, которого чисто технически невозможно отнести к представителям русской научной интеллигенции, как заявлено в названии статьи.

Переписки русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX вв. можно разделить на три основные сферы: а) обсуждение вопросов личной жизни; 2) обсуждение научных и педагогических вопросов; 3) обсуждение общественно-политических вопросов.

Взяв за основу три этих пункта, мы рассмотрим особенности переписки того времени на основе стилистического анализа. Это возможно постольку, поскольку тексты исследуемых писем опубликованы по правилам современной орфографии и пунктуации, но с сохранением стилистических особенностей оригиналов [Вовина-Лебедева, 2018. С. 26]. Кроме того, чтение переписки наших предшественников позволяет судить о том, как они жили, к чему стремились и как оценивали происходящее вокруг. Некоторые из этих оценок представляются нам столь важными, что мы считаем необходимым как минимум обратить на них внимание. Однако сначала расскажем о стандартной структуре исследованных нами писем.

Структура исследуемых писем

Нашему рассмотрению подверглись переписки А. А. Шахматова с О. Броком, Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным, а также переписка Ф. Ф. Фортунатова с О. Броком.

Важно отметить, что при написании писем все ученые придерживались схожей структуры письма, хотя встречались и разночтения.

Во-первых, факультативным являлось указание на место написания письма. Некоторые адресанты четко обозначали город написания или даже точный адрес, другие полностью игнорировали. Во-вторых, предпочтительным являлось обозначение даты написания письма, однако иногда дата не ставилась. Чаще всего отсутствие даты наблюдаем у В. М. Истрина, что впоследствии составило сложности для исследователей, так как датировка писем имеет важное значение для понимания содержания переписки. Вот что пишет одна из составительниц издания о переписках А. А. Шахматова относительно того, какая работа была проделана для датировки недатированных писем В. М. Истрина А. А. Шахматову: «Некоторые недатированные письма В. М. Истрина оказались возможным датировать именно по ответным письмам А. А. Шахматова, который всегда ставил даты. В противном случае дату иногда можно было восстановить по контексту, а иногда – по событиям, упоминаемым в письмах, например, по упоминанию дат «по старому стилю», названию Петербурга Петроградом и пр. А. Е. Жуков обратил внимание на то, что в письмах революционных лет приводятся цены на продукты,

поэтому у него получилось расставить письма в хронологическом порядке по возрастанию цен...» [Там же. С. 24]. Как известно, в период 1917–1919 гг. цены на продукты в России неуклонно росли.

Вне зависимости от того, ставились место и дата написания письма или нет, письмо следовало начать с обращения адресату. Этому правилу все авторы писем следовали неукоснительно, причем, как правило, это обращение было подчеркнуто уважительным. Приведем примеры:

«Многоуважаемый Олаф Иванович!» [Шахматов, Брок, 2021. С. 155]. Так обычно А. А. Шахматов начинал свои письма к О. Броку. Отца О. Брока звали Johan, и в то время считалось естественным русифицировать отчество. Встречались и другие варианты приветствия: «Многоуважаемый и дорогой Олаф Иванович!» [Там же. С. 219]. Так начиналось письмо Ф. Ф. Фортунатова О. Броку от 22.12.1909. Или более простой вариант: «Дорогой Алексей Александрович!» [Шахматов, 2018. С. 290]. Так Ф. Ф. Фортунатов написал А. А. Шахматову в письме от 01.12.1901.

За приветствием всегда следует основной текст письма. Это может быть как один абзац, так и достаточно развернутый текст в зависимости от замысла автора. Общей чертой всех исследованных текстов является подчеркнутая вежливость. Обращение к адресату допускалось исключительно на «Вы», причем непременно с большой буквы. Также обращает на себя внимание практически полное отсутствие бранной лексики. Даже при описании катастрофических событий представители научной интеллигенции того времени считали необходимым придерживаться правил речевого этикета, по крайней мере такова картина в эпистолярном жанре. Исключения редки. Для иллюстрации приведем письмо В. М. Истрина А. А. Шахматову, написанное в тот период, когда терпение уже было на пределе: «Где Перетц и Кондаков? Вы сообщаете, что заболел Лаппо-Данилевский. Не сомневайтесь, что мы все переболеем и раньше времени помрем... все во славу советской власти, будь она проклята» [Там же. С. 848]. Да и здесь бранная лексика выглядит весьма невинно.

Подчеркнуто вежливое общение рассматривалось как само собой разумеющееся. Вот что писал В. Н. Перетц А. А. Шахматову 11.08.1907, напоминая о причитающемся ему гонораре за статью:

«Извините, что бесцеремонно прошу Вас о деньгах, за лето зело поиздержался. Мне кое-что следует из «Известий» за «Новые данные для истории украинской лирики». Оттиски я получил еще в июне...

Еще раз простите, что так бесцеремонно обращаюсь к Вам, но я предпочитаю прямо адресоваться с просьбой, чем ждать, когда вспомнят» [Там же. С. 848].

Кроме того, нормой было извиняться за задержку с ответом на письмо, например: «Не браните меня за то, что задержался с ответом» [Шахматов, Брок, 2021. С. 247]. Так значит в письме от 18.03.1912.

Далее обратим внимание на концовку. В случаях, когда участникам переписки были знакомы члены семьи друг друга, правилом хорошего тона считалось в заключительной части письма передать им или от них поклон либо привет (в конце XIX в. предпочитали передавать поклон, а в начале XX в. в моду стал входить привет). Вот примеры из писем А. А. Шахматова О. Броку. 28.06.1901 он писал: «Жена и все Ваши старые знакомые просят Вам поклониться» [Шахматов, Брок, 2021. С. 125]. 26.04.1911: «Жена и я шлем поклонны» [Там же. С. 236]. 06.12.1896: «Поклон от жены и меня Вам и Вашей супруге» [Там же. С. 85]. Вот пример из письма В. Н. Истрина А. А. Шахматову: «Кланяйтесь Наталье Александровне» [Шахматов, 2018. С. 855]. Однако возможны и другие варианты прощания: «Всего лучшего. Крепко жму Вашу руку» [Шахматов, Брок, 2021. С. 226].

Как мы уже отмечали, в XX в. начали передавать приветы. Так, 11.08.1907 В. Н. Перетц написал А. А. Шахматову следующее: «Привет многоуважаемой Наталье Александровне» [Шахматов, 2018. С. 502], имея в виду жену А. А. Шахматова. Такой оборот все-таки являлся, скорее, исключением из правил. Вместе с тем можно было обойтись совсем без поклонов

и приветов, как это сделал В. Н. Истрин в письме А. А. Шахматову: «Жду от Вас ответа» [Там же. С. 757]. Была зафиксирована и такая концовка письма:

«Искренне предан.

В. Истрин» [Там же. С. 762].

Просто и без изысков.

Аналогичный пример: «Искренне преданный Вам И. Замотин» [Шахматов, Брок, 2021. С. 266].

В конце письма указывается имя автора письма, причем с точкой на конце. Далее возможно указание даты написания письма. Вот как это может выглядеть:

«Не забывайте преданного Вам

А. Шахматов.

3 августа 1896 г.» [Там же. С. 84].

Иногда указывается и адрес адресанта:

«Ваш А. Шахматов.

СПб. 6 декабря 1896.

Знаменская, Литовский переулок, 7» [Там же. С. 85].

Изредка адрес мог указываться в начале письма в правом верхнем углу:

«Петербург, Кабинетная 20, кв. 7

4 декабря» [Там же. С. 378].

Оборот «с уважением», принятый в современной переписке, на тот момент не использовался. Вместо него предпочитали следующие выражения. 25.10.1902: «Искренне Ваш А. Шахматов» [Там же. С. 156]. 25.11.1910: «Искренне преданный А. Шахматов» [Там же. С. 233]. 04.12.1902: «Душевно преданный Вам А. Фортунатов» [Там же. С. 379]. Обратим внимание на то, что всякий раз инициалы для личного отчества не указывались. Оптимальный формат подписи: инициал имени + фамилия полностью.

Как принято и сейчас, в редких случаях авторы писем использовали постскриптум. Вот пример из письма А. А. Шахматова О. Броку от 10.11.1902: «PS: Тетя и сестра на днях приехали сюда и поселились в нашей старой квартире» [Шахматов, Брок, 2021. С. 156]. Всякий раз использовалось именно латинское сокращение.

Теперь, когда мы разобрали структуру письма, уместно будет перейти к содержательной стороне исследуемых переписок, разделив их на различные темы общения. На конкретных примерах мы покажем, как ученых при обсуждении вопросов любого характера не покидала присущая им подчеркнутая вежливость и неременная сословная тактичность.

Обсуждение вопросов личного характера

Когда вопросы личного характера имеют ярко выраженный положительный контекст, подчеркнутая вежливость представляется вполне естественной, хотя, возможно, в наши дни степень вежливости в письме А. А. Шахматова О. Броку от 03.08.1896 современные стилисты могли бы признать чрезмерной: «Действительно мы уже вернулись в деревню после заграничной поездки. Неужели я не поблагодарил Вас за ложечки, которые мы получили накануне свадьбы? И я, и жена тронуты Вашим вниманием: не знаем, как и выразить Вам свое сожаление, что недостаточно времени во время путешествий помешало мне написать Вам несколько строк. Теперь все губаревские, то есть тетя Ольга Николаевна, обе сестры, жена и я поздравляем Вас со вступлением в брак и радуемся вместе с тем тому, что наконец Вы получили заслуженное. Теперь Вы в Норвегии наш представитель, не официальный, конечно, а нравственный» [Там же. С. 82–83]. При этом о личных достижениях говорится буднично – без какой-либо похвалы в свой адрес. Вот как 28.12.1898 А. А. Шахматов сообщил О. Броку о рождении сына: «Знаете ли, что в сентябре у меня родился сын в Губаревке. <...> Теперь я в полном смысле сделался

отцом семейства» [Там же. С. 101]. Последняя фраза объясняется тем, что ранее у А. А. Шахматова родилась дочь. Как видим, полноценным отцом семейства он стал считать себя только после рождения сына. Из этого заключаем, что сыновья имели более весомую ценность для родителей того времени, чем дочери.

Гораздо более эмфатические выражения были использованы 12.07.1902 А. А. Шахматовым по случаю визита О. Брока к нему в деревню. Это не значит, что заграничный друг ему дороже сына. Все дело в нормах речевого этикета того времени: «Все наши губаревские знакомые вспоминают о проведенных Вами у нас днях, как о прекрасном, полном интереса и нравственного удовлетворения времени. Мы все жалеем, что не убедили Вас подарить нам еще два-три дня. Быть может, зато такое свидание повторится» [Там же. С. 150]. Обратим внимание на использование слова «свидание» в значении «встреча». Опять же сопоставим с этим более нейтральное описание собственных успехов. Вот отрывок из письма от 25.10.1902: «Недавно в нашей жизни случилась большая перемена: мы переехали в казенную квартиру в здании Академии у Дворцового моста. Квартира прекрасная и обширная, в сущности, даже слишком роскошная для частного человека. Зато жена в полном наслаждении, и детям лучше. У меня теперь большой кабинет, и мне кажется, что я стал себя чувствовать здоровее» [Там же. С. 155].

Обсуждение негативных событий преподносится в подчеркнута нейтральных тонах. В том же письме от 12.07.1902 А. А. Шахматов пишет О. Броку: «У нас наступили холода, но сухие, без дождя. Дня три как стоит теперь невыносимая жара. Овощи и подсолнечники истреблены какими-то невиданными червями, отродившимися от лугового мотылька, до сих пор не доставившего нас своим посещением» [Там же. С. 150–151]. Характерно, что фраза «удоставить своим посещением» употреблена применительно к насекомому-вредителю. Складывается впечатление, что столь активно рекламируемое в современной психологии «искусство пофигизма» [Manson, 2016; Дмитриева, 2021] было хорошо знакомо нашим предкам.

Вот еще один характерный пример из письма А. А. Шахматова О. Броку от 22.12.1909, где в одном абзаце в едином стиле повествуется о радостных и печальных событиях: «Мы с женой чрезвычайно тронуты Вашим вниманием. Нам было очень приятно полюбоваться Вашими детками. Доставим Вам наших, как только они снимутся. Теперь они засели надолго дома: у них ветряная оспа» [Шахматов, Брок, 2021. С. 219]. Приведенный отрывок звучит несколько архаично с точки зрения построения предложений, однако не следует считать, будто все предложения того периода отличались подобной стилистикой. Вот отрывок из письма А. А. Шахматова, в котором никакой архаичности не прослеживается: «Вы спрашивали меня о Куприне: это несомненно талант, но, кажется, выдыхающийся. Его последние произведения мне не нравятся» [Там же. С. 220]. В то же время подчеркнем, что речевой этикет того периода предполагал снижение негативных коннотаций. Характерно письмо А. А. Шахматова О. Броку от 26.09.1914, в котором он сообщает о смерти Ф. Ф. Фортунатова. Очевидно, что для А. А. Шахматова это сильнейший удар, однако обратим внимание на появление слова «счастлив» в череде лексем с отрицательной коннотацией: «Сообщаю Вам тяжелое известие: скончался Филипп Федорович 2 сентября старого стиля в 2 часа утра от удара. <...> Был счастлив успеть к похоронам. <...> Чувствую себя подавленным обрушившимся несчастьем» [Там же. С. 278].

Еще более удивительным для современного читателя представляется следующий пассаж от 09.08.1917, когда А. А. Шахматов вначале сообщает О. Броку о том, что все хорошо, а потом пишет, как все плохо: «У нас было и продолжает быть очень хорошо. Только сильная засуха напомнила знакомый Вам 1891 год. Разница та, что земства нет, закупать хлеб некому, и мы перед опасностью острой нужды, голода. Деньги у населения есть, в даровом хлебе никто не нуждается; но купить негде» [Там же. С. 348]³.

³ Данный пассаж перекликается с современными нормами английской вежливости. Как известно, на вопрос “How are you?” в английском дискурсе принято отвечать утвердительно, даже если дела обстоят не очень хорошо [Fox, 2005. P. 44].

Следующее письмо А. А. Шахматова Ф. Ф. Фортунатову и его жене от 31.05.1890 непосвященные умы могли бы рассматривать как чрезмерно пафосное, однако для стиля того времени это было нормой: «Очень я о Вас и Юлии Ивановне соскучился, и, если бы была возможность, хоть на один день поехал к Вам, к тому же не имею совершенно никаких известий о Вас, кроме того, что Щепкин послал о Вашем переезде на дачу. Все время думаю о Вас, а последние две недели особенно, с тех пор как стал изучать Ваши лекции и пользоваться ими...» [Шахматов, 2018. С. 38–39]. Видимо, такой пафос – не только вопрос стилистики, но и более выраженная степень доверительности между учеником и научным руководителем по сравнению с нашим веком скоростей. Всякая деятельность была в большей степени увязана с обстоятельствами семейной жизни. Показателен ответ Ф. Ф. Фортунатова на это послание А. А. Шахматова, который датирован 08.06.1890: «Спасибо Вам за Ваше письмо. Как видите, я не слишком медлю с ответом, хотя должен признаться, что если бы не Юлия Ивановна, постоянно напоминающая мне о том, чтобы я не откладывал писем к Вам, то, пожалуй, по скверной привычке я оттянул бы мой ответ еще на некоторое время» [Там же. С. 39].

В биографии А. А. Шахматова есть любопытный эпизод, когда в начале 1890-х гг. он неожиданно для всех отказался от преподавательской и активной научной деятельности и принял должность земского начальника в родной ему Саратовской губернии. Попытки Ф. Ф. Фортунатова переубедить его успеха не имели. В свободное от основной работы время А. А. Шахматов занимался написанием диссертации, которая была успешно защищена в 1894 г. Прежде чем объявить Ф. Ф. Фортунатову о своей решимости остаться в должности земского начальника, А. А. Шахматов не мог не написать следующий текст (03.02.1891): «Дорогой Филипп Федорович! Ваше письмо таково, что душевно покоен я был бы лишь в том случае, если сейчас же телеграфировал Вам о том, что согласен на все, на всякие условия только для того, чтобы оправдать Ваши относительно меня надежды и заслужить преподаванием в Университете Ваше неоценимое ко мне расположение. <...> Одно слово такого человека, как Вы, значит для меня очень и очень много. Чувство любви и уважения к Вам – вот что постоянно сопровождало мои занятия наукой, постоянно оживляло их. Вы для меня не только руководитель и учитель: Вы воплощаете в себе ту самую науку, около которой сосредоточились все мои интересы и симпатии» [Там же. С. 46]. Но дальше А. А. Шахматов твердо сообщает, что хотя бы на год желает погрузиться в жизнь русского крестьянства, чтобы лучше понимать дух русской культуры и через него русский язык, который он исследует.

Когда дело дошло до защиты А. А. Шахматовым диссертации, для какого мероприятия тогда использовался термин «диспут», он в схожих выражениях просил Ф. Ф. Фортунатова стать его оппонентом. Вот отрывок из письма от 06.02.1894: «Мне писал Александровский, что мои оппонентом может быть Миллер, который еще собирается готовиться к диспуту. Меня ужасно огорчает мысль, что Вы отказываетесь принять в диспуте мое участие: я Ваш и только Ваш ученик, а Вы будто этого не признаете» [Там же. С. 77].

Обсуждение научных и педагогических вопросов

Начнем описание обсуждения научных и педагогических вопросов с примера вынужденного отказа А. А. Шахматова О. Броку в публикации его статьи. 06.12.1896: «Мне очень грустно ответить Вам по поводу Вашей статьи, что, пожалуй, ее можно было бы печатать и теперь, если бы она была обработана по языку. Но, к сожалению, Вы больше обратили внимания на глубину содержания, чем на внешнее изложение...» [Шахматов, Брок, 2021. С. 84]. Такая форма отказа кардинально отличается от стандартных форм отказа, получивших распространение в XXI в. А вот пример рекомендации получить финансовую поддержку для публикации статьи. Письмо от 12.03.1897 между теми же корреспондентами: «У Вас появилась очень хорошая новость: представьте Ваши обе статьи по малорусскому на конкурс. Напишите заявление непременно»

секретарю Императорской Академии Наук о том, что Вы имеете честь представить такое сочинение на соискание премии графа Д. А. Толстого по II Отделению Русского языка и словесности» [Там же. С. 90]. Здесь обращают на себя внимание несколько необычное для современного языка употребление слова «новость» в значении «возможность» и предложение адресату написать о том, что он «имеет честь» представить статью. Для читателя XXI в. такой оборот выглядит достаточно непривычно. Еще один пример архаичного оборота из письма В. Н. Перетца А. А. Шахматову от 28.11.1899: «...апатия какая-то напала и работа нейдет» [Шахматов, 2018. С. 417].

Подчеркнутая вежливость отличает письма делового характера в той же степени, что и личную переписку. 16.08.1911 Ф. Ф. Фортунатов писал А. А. Шахматову: «Много благодарю Вас за Ваши письма и присылку оттиска Вашей статьи; правда, половину ее я читал в Известиях Академии» [Там же. С. 391]. Показателен оборот «много благодарю», не характерный для современного русского языка. Прочитируем похожий текст, написанный 20.11.1897 В. Н. Перетцем А. А. Шахматову: «Только сегодня, зайдя в библиотеку, я получил оттиски Ваших статей, любезно Вами оставленные для меня. Искренне благодарен Вам за них» [Там же. С. 413].

В письме А. А. Шахматова О. Броку от 28.09.1897 мы обнаруживаем, что для исследуемого периода было недостаточно просто написать о собственных успехах – необходимо было по возможности выразить признательность адресату: «При Вашей поддержке я давно уже получил благодарность. В последнее время я занят литературными вопросами, а именно исследованием о происхождении наших летописей. Но все живее чувствую потребность начать большой труд по истории языка» [Там же. С. 95].

Следующее письмо А. А. Шахматова О. Броку от 28.12.1898 показывает, что чрезмерные извинения за, например, задержку с ответом, считались в то время нормой: «Благодарю Вас за Ваше письмо и прошу извинить меня за то, что так неаккуратен с прочим. Но, между прочим, тут замешивается и то чувство неловкости, которое я все время чувствую, пока не была, наконец, напечатана Ваша статья» [Там же. С. 101]. В данном случае можно предъявить автору претензию к тавтологии, однако она только подчеркивает естественность и аутентичность текста. Сравним с тем, что А. А. Шахматов пишет О. Броку по поводу другой его статьи в письме от 25.12.1902: «Давно я Вам не писал и даже еще не поблагодарил за присылку прекраснейшей работы по сербскому языку. Прочитал ее с наслаждением» [Там же. С. 155]. Использование превосходной степени выглядит для эпистолярного жанра рубежа XIX–XX вв. обыденным явлением. Извиняться за задержку с ответом было свойственно не только А. А. Шахматову. Судя по всему, это была именно норма эпистолярного жанра. В письме О. Броку от 04.12.1902 Ф. Ф. Фортунатов счел нужным не просто принести извинения, но и объяснить причину своей занятости: «Простите, что до сих пор не писал Вам, но после праздника, неожиданно для меня устроенном мне моими учениками, я растерялся и долго не мог справиться с непривычным для меня делом, а именно я должен был написать несколько десятков писем» [Там же. С. 379].

Образ совести играл важное место в мировидении русской научной интеллигенции того времени. 21.08.1908 В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову с просьбой содействовать его переходу на работу в Санкт-Петербургский университет, закончив письмо следующим образом: «Итак, повторяю: если была бы возможность и – не против Вашей совести – я просил бы Вас напомнить обо мне моим наставникам и товарищам по Университету» [Шахматов, 2018. С. 467]. Также обращает на себя внимание использование условного наклонения при оформлении просьбы.

Приводимый далее отрывок из письма А. А. Шахматова О. Броку от 27.03.1905 [Шахматов, Брок, 2021. С. 175–176] нам интересен тем, что предлог «благодаря» использован в том контексте, в котором в современной письменной речи следует применять предлог «из-за»: «Рукопись Вашу получил, но мне даже совестно теперь, что торопил Вас (больше, впрочем, мысленно). У нас все пошло так ненормально, что не могу представить, когда типография примется за набор Вашей статьи. В ней лежит ряд срочных работ, все идет неаккуратно, бла-

годаря, главным образом, волнениям среди рабочих, неожиданным забастовкам, предъявлению непомерных требований и т. д.» А. А. Шахматов продолжает эти рассуждения выводом, который весьма характерен для любых революционных потрясений: «Жизненная волна захватила и нас, стоявших всегда вдалеке, в стороне от жизни. Она потребовала от нас новых работ и, конечно, мы делаем все, что возможно. Недавно мы составили обширную записку о правах малорусского языка, где решительно настаиваем на его уравнении с великорусским. <...> Совершенно не успеваю работать на себя. Даже в эгоистических интересах наших – это скорейшее водворение законности и твердого порядка, иначе мы пропадем в борьбе и растратим понапрасну силы» [Там же].

О проблемах с типографией А. А. Шахматов упоминал достаточно часто. Вот что он писал О. Броку 27.07.1910 – в период относительного затишья всяких общественных волнений – по поводу задержки выхода из печати статьи последнего: «Типографию не очень вините. виноваты те сотни тысяч заказов, с которыми ей приходится иметь дело и которые рвут ее на части. Подумайте! Типография изготавливает казенных заказов 2500 листов в год. Кроме того, есть и частные заказы. Но, конечно, мы все страдаем» [Там же. С. 226]. В XXI в. слово «казенный» стало низкочастотным, тогда как на рубеже XIX–XX вв. оно было достаточно употребительным. Также укажем на необычную форму глагола «приходит», каковую в приведенном контексте любой современный корректор не задумываясь исправил бы на «приходится».

Ожидаемо научные вопросы переплетались и с общей обстановкой в стране, и с педагогической работой. Вот что писал А. А. Шахматов О. Броку 31.10.1908: «Сегодня была моя вступительная лекция в Университете. Именно это обстоятельство, точнее, напряженная подготовка к курсу, заставила меня изучить Вашу последнюю работу. Честь Вам и слава за нее. И вместе с тем я живо сознал всю необходимость иметь **вторую часть** Вашего исследования для русской науки. Прошу Вас займитесь ей. Труды Ваши будут вознаграждены. Фортунатов и я, мы решительно заявляем, что Вы получите соответствующий гонорар (32 рубля за лист). Чем скорее пришлете свою работу, тем лучше. Буду ждать ее с сильным нетерпением» [Там же. С. 206]. Здесь хочется обратить внимание на оборот «честь и слава»: в XXI в. сказали бы «честь и хвала». Интересно и употребление глагола «сознал», тогда как в современном языке более естественным для данного контекста представляется глагол «осознал».

Здесь же приведем пример, приближающийся к нормам деловой переписки. 05.05.1913 И. И. Замотин писал О. Броку: «С большим удовольствием исполню Ваше желание и сейчас посылаю еще два экземпляра книги о Достоевском. Прошу Вас этот экземпляр переслать по адресу от меня в дар в знак уважения к норвежскому переводчику сочинений Достоевского...» [Там же. С. 266].

Из следующего отрывка мы можем понять, что нападки на ученых были распространены в России и в «докоммунистический» период. Вот что пишет А. А. Шахматов О. Броку 02.04.1914 (заметим, все в том же нейтральном стиле): «Тревожит меня атака националистов и черносотенцев на Академию. Нас обвиняют в «мазепинстве». Вы, конечно, можете без моих оправданий понять, что обвинение это нелепо. Вместе с оттисками посвященной Вам статьи (оттиски еще не получены) пошлю Вам мою статью на украинском языке. Из нее Вы увидите, можно ли причислять меня к мазепинцам.

Готовлю научно-критическое издание *Несторовой летописи* и временно отошел от лингвистических занятий.

Слышали ли Вы, что Бодуэна приговорили к тюрьме на два года за брошюру политического содержания?» [Там же. С. 273].

Напомним, что в то время «мазепинством» именовалось украинское национальное движение. Данный термин активно использовался властями Российской империи для обозначения сторонников украинского сепаратизма, каковой рассматривался как крайне нежелательное явление.

Обвинениям в «мазепинстве» подвергался и В. Н. Перетц. В его случае проявляются индивидуальные различия в использовании речевого этикета. Тогда как для А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова бранная лексика была недопустимой при написании писем, В. Н. Перетц (правда, находясь в крайне дурном расположении духа в связи с несправедливыми обвинениями) считал возможным называть своих недругов гадами. Вот отрывок из его письма А. А. Шахматову от 15.04.1914: «Посылаю Вам вырезку из «Киевлянина». Из нее усмотрите, в каком соусе мы живем. В хулиганском «Киеве» – там еще проще: всех выгнать, а кого – поименовано полностью, без церемоний. Моя же фамилия снабжена еще и красноречивым добавлением «еврейского происхождения», сугубо подчеркивающим мою якобы вредоносность! Положительно люди сошли с ума – или заврались до истерики! А как Вам нравится г. Яворский? Этого гада долгое время питала Академия наук и, может быть, впредь будет питать... по Вашему мягкосердечию и терпимости» [Шахматов 2018. С. 571]. Цитированное письмо сопровождалось газетами, которые В. Н. Перетц послал А. А. Шахматову для ознакомления. Негодование автора выражается не только бранным словом «гад», но также красноречивой пунктуацией – восклицательными знаками и многоточиями. Здесь же выделим архаичный глагол «усмотрите», который в наше время посчитали бы стилистической ошибкой.

Следует заметить, что в итоге для В. Н. Перетца все закончилось удачно: несмотря на оголтелую критику, он был избран ординарным академиком Академии наук. Получив известие об этом, 26.04.1914 он написал А. А. Шахматову: «Трудно себе представить, какое бремя свалилось с моей души. Я мучился сомнениями ужасно. И всего отвратительнее было злорадование черной сотни, которая уже торжествовала. Какие злобные людишки. Всем я обязан Вам. <...> Вы выручили в беде и за это вечное спасибо» [Там же. С. 575]. Как видим, А. А. Шахматов благоволил В. Н. Перетцу и поддерживал его. Последний в своих письмах использовал соответствующую лексику для того, чтобы подчеркнуть свою благодарность. Однако рядом встречаем словосочетание «злобные людишки» по отношению к тем, кто организовал на него гонения.

Следующие два отрывка свидетельствуют о том, что научно-лингвистическая интеллигенция того времени жила небогато, и многие были вынуждены считать каждый рубль для поддержания достойного образа жизни. В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову 25.01.1902: «Если возможно ассигновать 800–900 руб. из остатков будущего года с уплатой за работу в феврале 1903 г. – то лучшего я и желать не смею» [Там же. С. 426]. Оборот «желать не смею» обращает на себя особое внимание своей архаичностью. Следующий пример еще более красноречив. В письме тех же корреспондентов от 26.04.1904 В. Н. Перетц пишет по поводу командировочных, которые было решено выделить участникам съезда, в котором он планировал участвовать: «Не скрою, первая бумага вызвала очень грустные ламентации, особенно со стороны некоторых членов, но доложенная сегодня оживила упавший дух и обрадовала всех приглашенных, ибо дала возможность ехать делегатами и получить командировочные. Смешно, но провинциальному профессору трудно при обычном гонораре собрать 100–150 руб. на поездку, не лишая семьи необходимого. О себе – и говорить не приходится» [Там же. С. 437]. Интересен употребленный В. Н. Перетцем оксюморон в форме эвфемизма «ламентации», который не характерен для современного дискурса, однако еще больший интерес представляет тот факт, что большинство представителей научной интеллигенции дореволюционного периода жили от зарплаты до зарплаты. Абсолютно прав П. И. Смирнов [2020], обнаруживающий между царской Россией и Советским Союзом гораздо больше сходств, чем различий. В данном случае речь о том, что и в царское время, и в советское научная интеллигенция за редким исключением не могла рассчитывать на высокие официальные доходы.

Что касается событий положительного характера, то о них допустимо было отчитываться в превосходных тонах: «Я очень счастлив, что Вы теперь член нашей Академии. Это давнишний долг наш, представителей русской науки, перед Вами. Избрание Ваше встречено большим сочувствием в разных ученых кругах. Для Вас такое избрание имеет ту выгоду, что Вы получаете право получать все наши издания. При требовании считайтесь только с трудностью пе-

ресылки и с нелепым распоряжением, воспрещающим вообще всякую пересылку книг за границу. Нельзя ли доставлять Вам книги через норвежское посольство?» [Шахматов, Брок, 2021. С. 342]. Написанное 24.01.1917, это письмо является ярким примером того, как тактично реагирует А. А. Шахматов на ситуацию, когда в ситуации предреволюционного кризиса и войны государственное управление стало демонстрировать свои худшие стороны.

После октябрьского переворота 1917 г. жизнь стала совсем сложной, но в своих письмах А. А. Шахматов по-прежнему не демонстрирует уныния: «Несмотря, однако, на нашу тяжелую действительность, у меня, как и многих, сильная жажда к работе. Усиленно занимаюсь синтаксисом и, ввиду накапливающегося материала, начинаю мечтать об историческом очерке синтаксиса. Читаю соответствующий курс в университете. Над университетом висят грозные тучи» [Там же. С. 357].

Из всего сказанного не следует, что абсолютно все обороты были выдержаны в подчеркнuto вежливой либо оптимистичной форме. В ходе обсуждения чисто научных вопросов можно было обходиться без излишних эпитетов. В частности, вот что писал Ф. Ф. Фортунатов О. Брокку 02.04.1893: «Я не совсем понял, что именно Вы называете «резким» ударением в русском языке; точно так же и Корш не понимает этого. Разъясните мне это, пожалуйста» [Там же. С. 368]. В данном случае кроме слова «пожалуйста» других вежливых оборотов не обнаруживается, что также является вариантом нормы для эпистолярного жанра того времени. Однако здесь мы уже можем говорить об индивидуальном стиле автора. А. А. Шахматов в письме Ф. Ф. Фортунатову от 12.09.1882 счел необходимым, предваряя разбор форм существительных в различных евангелиях, проявить максимальную тактичность: «Спешу исполнить Ваши поручения...» [Шахматов, 2018. С. 31].

Обсуждение вопросов общественно-политического характера

Последние годы жизни А. А. Шахматова пришлось на период великой нестабильности российского государства, когда за провальной русско-японской войной последовала революция 1905 г., а через несколько лет началась Первая мировая война, за которой последовал октябрьский переворот 1917 г. и большевистский террор. Все эти события активно обсуждались в переписках русской научной интеллигенции того времени, из которых мы видим, что они принимали происходящие события близко к сердцу. Тем не менее даже при всех этих удручающих обстоятельствах выработанные традиции речевого этикета авторами сохранялись.

Вот отрывок письма А. А. Шахматова О. Брокку от 27.03.1905: «Как все мрачно, как пока мало надежды на мирное разрешение всей необъятной смуты! А наши дела на востоке, Мукден и Порт-Артур! Многие мечтают о победе, а я – только о мире! Победа заведет нас в Манчжурию, пожалуй, в Корею и даже в самый Китай: мы будем расти и своим ростом, потребностью роста оправдывать всякие внутренние безобразия» [Шахматов, Брок, 2021. С. 176]. Как мы видим, максимум, что позволил себе автор данного текста, – это поставить восклицательные знаки. Никакой бранной лексики или оскорблений не обнаруживается. Это яркая особенность индивидуального стиля А. А. Шахматова.

Из письма А. А. Шахматова В. М. Истрину от 25.02.1914 мы узнаем, что выезд за границу законным способом в царской России был не проще, чем при советской власти: «Вы пишете, между прочим, о возне с паспортом. Никакой возни Вам бы не было, если бы Вы обратились в Правление Академии, ибо для поездки за границу Вы должны получить разрешение от министра, а разрешение испрашивается Правлением» [Шахматов 2018. С. 840].

Приведем другой яркий пример. В. Н. Перетц по поводу действий царского правительства в начале Первой мировой войны писал следующее А. А. Шахматову 17.10.1914: «Какой результат имела агитация «Нового времени»! Выселяют немцев – стариков, женщин, младенцев! Сейчас узнал, что выселяют одно семейство, где живет в качестве квартирантки моя ученица

В. П. Адрианова, и она потерпит в чужом пиру похмелье – останется без крова да еще и с **кучей книг**... Это тоже малое удовольствие. Выселяют сорок лет жившего в России булочника в нашем доме, старуху бонну... до нелепости все это невероятно ненужно... <...> А те, кому следовало бодрствовать, сторожить берега – опять проспали неприятельский флот. Да существует ли в Черном море флот? Не раскрали ли его?» [Там же. С. 588]. Снова мы видим восклицательные знаки и многоточия для выражения своего негодования.

Военное время обрушило на научную интеллигенцию России новые, неожиданные для них хлопоты. В письме от 25.04.1916 А. А. Шахматов пытается узнать о судьбе одного из пропавших на фронте русских солдат. Здесь интересно, что в письме упоминается «чин военнопленного» (именно так – через дефис). В XXI в. лексемы «чин» и «военнопленный» никак не могут сочетаться: «Поржезинский просит через меня Ягича узнать о судьбе прапорщика 281-го Ново-московского полка Сергея Николаевича Горбова, который пропал без вести 31-го мая 1915 года (старого стиля). Вопрос, значит, в том, значит ли Горбов в чине военнопленного (авторская орфография сохранена. – А. П.) в Австрии» [Шахматов, Брок, 2021. С. 326].

Из письма В. Н. Перетца А. А. Шахматову от 25.12.1914 мы узнаем об абсурдных гонениях на проживающих в России немцев⁴ и о его возмущении такими действиями. Опять же для выражения этого возмущения используются исключительно восклицательные знаки: «Сообщаю дополнительно, что я узнал сейчас от двоюродного брата профессора Кнауэра: вчера у него произвели обыск, и хоть ничего компрометирующего не нашли, сделали опись его книг и рукописям (воображаю, что пристав и К^о поняли в его санскритских рукописях!) и вчера же взяли под арест» [Шахматов, 2018. С. 597]. Любопытно, что после неудач на фронтах Первой мировой царский режим стал искать новых врагов внутри страны, свидетельством чему следующие строки от 03.01.1915: «Новый год дал нам еще новые доказательства несовершенства человеческой природы, выражаясь деликатно. «Літературно-наковий Вестнік» – единственный «толстый» украинский журнал закрыт за «фонетику», ибо другого ничего не было» [Там же. С. 603]. В последнем случае мы видим, что, несмотря на все свое возмущение, В. Н. Перетц использует эвфемизм «несовершенство человеческой природы» для смягчения эмфатичности высказывания. Опять же, необходимо констатировать подчеркнутое стремление к вежливости.

В то же время из откровений того же В. Н. Перетца мы узнаем, что далеко не все представители русской элиты придерживались вежливого стиля в общении. В письме от 07.01.1915 мы узнаем о неллицеприятной беседе автора с губернатором Петрограда. В. Н. Перетц заключает: «К сказанному выше добавлю, что все, что он отвечал мне, было произнесено в столь грубом тоне, что трудно передать» [Там же. С. 603]. Из этого можно заключить, что подчеркнутая вежливость была свойственна преимущественно представителям научной интеллигенции, но не представителям других слоев населения, в том числе и не представителям власти. Заметим, это еще дореволюционная Россия.

В письме В. Н. Перетца от 02.01.1916 обнаруживаем россыпь архаичных выражений: «Я крепко «сел в бест» и, вероятно, выйду из заточения не ранее 8-го или 9-го, и то, если полегчает мороз. Схватил вторично инфлюэнцу на торжественном заседании: повредило непривычное декольте (сиречь фрак)» [Там же. С. 625]. Интересно, что выражение «сесть в бест», означавшее в те времена «залечь на дно», сейчас стало использоваться в интернет-сленге в значении «взяться за что-то увлекательное». Мы видим, что значение выражения кардинально изменилось. Слова «инфлюэнца» и «сиречь» ушли из повседневного употребления.

Депрессивные настроения русской научной интеллигенции в послереволюционный период четко прослеживаются в письме В. М. Истрина А. А. Шахматову от 26.07.2018 (по новому стилю), написанному в связи с расстрелом Николая II: «Несчастливая судьба России была связана с личностью Николая; не посмотрит ли теперь судьба на его печальную гибель как на ис-

⁴ Справедливости ради заметим, что гонения были отмечены и в других странах, вступивших в войну с Германией.

купление; и не настанет ли теперь поворот на лучшее? Ведь нам нужно немного: порядок и спокойствие, чего при большевиках никогда не будет» [Там же. С. 840]. Для обозначения новой власти В. М. Истрин также использовал слово «товарищи», закавычивая его, чтобы было понятно, о каких «товарищах» идет речь. Вот отрывок из его письма А. А. Шахматову от 01.07.1918: «Мы живем пока сносно. Вот уже два месяца не выдают у нас никакого продовольствия, и мы живем только благодаря мешочникам. Мы лично могли кое-что купить: муки и круп, так что если не отберут «товарищи», то до сентября просуществуем. Однако каждую неделю приходится взвешивать запасы и проверять, сколько съели и сколько осталось» [Там же. С. 838]. Еще более жуткое свидетельство эпохи обнаруживаем в другом письме В. М. Истрина А. А. Шахматову, написанном 13.04.1919 из Серпухова: «Пасха у нас унылая; ничего нет: ни муки, ни мяса, ни яиц. Рабочие у нас волнуются, но их беспощадно расстреливают» [Там же. С. 853]. Однако сразу после этого пассажа идут традиционные поздравления с праздником. О должном этикете представители русской научной интеллигенции не забывали даже в самые трудные минуты.

А. А. Шахматов в свою очередь ярко описывает в письме В. Н. Перетцу от 09.02.1919 те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться с приходом новой власти: «Положение здесь очень тяжелое. Завтра хороним Лаппо-Данилевского. Серьезно захворали Латышев и Рыкачев. Вы правы, что здесь прямо-таки опасно для жизни. Работа идет, конечно, нескоро. Все не находим времени из-за хозяйственных забот. Прислуги у нас нет, и мы только теперь, думаю, понимаем, какую сильную обузу с нас снимали «культурные» условия прошлого времени» [Там же. С. 681]. Здесь точно подмечено, что постоянный физический труд не способствует научному прогрессу. Кто-то в обществе должен выполнять хозяйственные работы, а кто-то – двигать вперед развитие научной мысли. Совмещать и то, и другое проблематично.

Заключение

Стилистический анализ переписки русской научной интеллигенции рубежа XIX–XX вв., дополненный тематическим анализом, показал высокую степень вежливости, являющуюся отличительной чертой эпистолярного жанра того времени. Помимо многочисленных шаблонных лексических оборотов, предполагающих подчеркнуто вежливое отношение к адресату, авторы писем склонны демонстрировать подчеркнутый оптимизм даже в тех случаях, когда ситуация выглядит удручающей. Негативные эмоции выражаются значительно реже, чем позитивные. В случае необходимости для выражения своего возмущения, негодования и т. п. авторы пользуются соответствующей пунктуацией – восклицательными знаками и многоточиями.

К проблеме вежливости/невежливости часто обращаются как в кросскультурных, так и в монокультурных исследованиях [Колар, 2024; Ларина, Харлова, 2015; Муравьев, Ольшевская, 2019; Россихина, Икатова, 2022; Соловьева, 2019]. В данной статье мы затронули этот аспект на монокультурном материале.

При этом не следует игнорировать и индивидуальный стиль авторов. Бранная и оскорбительная лексика практически отсутствует в письмах, но в исключительных случаях (в состоянии повышенной эмоциональной напряженности) некоторые адресанты допускают для себя использование таковой, что, однако, является редким исключением.

Ожидаемо в письмах тех лет мы обнаруживаем большое количество архаичных для сегодняшнего эпистолярного жанра слов и речевых оборотов. Поступательная эволюция языка предполагает его изменение, которое на отрезке в 100 лет становится уже достаточно заметным.

В данной статье мы также не могли пройти мимо тех событий, участниками и свидетелями которых были авторы переписки. Из писем русской научной интеллигенции мы узнаем не только о том, какие собственно научные вопросы их занимали и как продвигался их творческий поиск, но и об их бытовых проблемах и сложностях, удачах и успехах. В переписках

обсуждаются как особенности быта того времени, так и отношение авторов писем к текущим событиям.

В частности, проанализированные письма опровергают досужие суждения о том, будто в царской России жизнь была на высоком уровне, но вдруг нагрянувшие революции ввергли страну в нищету. Переписка показывает, в частности, что даже привилегированные представители научной интеллигенции столичных городов не могли представить, что долгожданные перемены окажутся столь негативными, что многим они будут стоить жизни, в том числе и некоторым авторам исследованных нами переписок.

Нацеленная на научный поиск жизнь интеллектуальной элиты закономерно переросла в заботу о собственном выживании.

Все это время они – как могли – стремились сохранить свое достоинство, что ясно прослеживается в их текстах по нормам речевого этикета, которых было принято неукоснительно придерживаться в научных кругах. С русской научной интеллигенцией рубежа XIX–XX вв. ушла в прошлое эпоха высокого эпистолярного жанра. Если когда-то будет опубликована деловая переписка автора данной статьи, то она будет иметь жалкий вид по сравнению с тем слогом и тактом, который демонстрировали А. А. Шахматов и его коллеги.

Список литературы

- Вовина-Лебедева В. Г.** А. А. Шахматов и его избранная переписка // Шахматов А. А. Избранная переписка: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 11–26. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Fortunatovым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным.
- Вовина-Лебедева В. Г., Сиренов А. В.** Предисловие // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого; отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 3–5.
- Дмитриева О. А.** Пофигизм в современной русской лингвокультуре (по данным национального корпуса русского языка и интернет-сайтов) // Языковые образы: Лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сб. науч. тр. по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра филол. наук, проф. Н. Ф. Алефиренко; ред. кол.: Алефиренко Н. Ф. и др. Белгород, 2021. С. 64–70.
- Ларина Т. В., Харлова М. Л.** Невежливость и грубость в межличностном общении американцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 2. С. 5–16.
- Муравьев Н. А., Ольшевская М. Ю.** Подходы к составлению лексических минимумов в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 78–89.
- Палкин А. Д.** Филипп Федорович Fortunatov – недооцененный талант // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 5–16.
- Росихина М. Ю., Икатова И. И.** Теория вежливости: поиски эффективной методологии исследований в зарубежной социопрагматике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 6–20.
- Смирнов П. И.** Постигание России. Взгляд социолога. СПб.: Алетея, 2020. 574 с.
- Соловьева И. В.** Социокультурный статус формулы извинения pardon в английском языке по данным корпусных баз // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 125–133.
- Шахматов А.** К истории сербско-хорватских ударений. Варшава: Типография Михаила Земевича, 1888. 71 с.

- Шахматов А. А.** Исследования в области русской фонетики: История звуков «о» и «е» в русском языке. М.: URSS; Ленанд, 2015. 317 с.
- Шахматов А. А.** Избранная переписка: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 942 с. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным.
- Шахматов А. А.** Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 399 с.
- Шахматов А. А.** Сказание о призвании варягов: исследование. М.: URSS; Либроком, 2011. 82 с.
- Шахматов А. А.** Учение о частях речи. М.: URSS, Ленанд, 2006. 270 с.
- Шахматов А. А., Брок О.** Переписка. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2021. 430 с.
- Fox K.** *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour.* London: Hodder & Stoughton, 2005. 424 p.
- Humboldt W. v.** *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einflufs auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts.* Berlin: Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. 511 S.
- Kolar K.** Politeness as a linguistic concept in the Croatian and English languages – a comparative analysis // *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 2024. Vol. 22, no. 1. P. 5–16.
- Manson M.** *The Subtle Art of Not Giving a F*ck: A Counterintuitive Approach to Living a Good Life.* New York: HarperCollins Publishers, 2016. 224 p.

References

- Dmitrieva O. A.** Whateverism in Russian linguoculture (according to figures from the national corpus of the Russian language and Internet sites). In: N. F. Alefirenko et al. (eds.), *Yazykovye obrazy: Lingvokreativnye simvoly etnokulturnoi dukhovnosti. Sbornik nauchnykh trudov po itogam 5-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashonnoi 75-letiyu Zasluzhennogo deyatel'a nauki Rossiiskoi Federatsii, doktora filologicheskikh nauk, professor N. F. Alefirenko.* Belgorod, 2021, pp. 64–70. (in Russ.)
- Fox K.** *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour.* London, Hodder & Stoughton, 2005, 424 p.
- Humboldt W. v.** *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einflufs auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts.* Berlin, Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836, 511 S.
- Kolar K.** Politeness as a linguistic concept in the Croatian and English languages – a comparative analysis. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22 (1), pp. 5–16.
- Larina T. V., Kharlova M. L.** Impoliteness and rudeness in interpersonal interaction of Americans. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13 (3), pp. 5–16. (in Russ.)
- Manson M.** *The Subtle Art of Not Giving a F*ck: A Counterintuitive Approach to Living a Good Life.* New York, HarperCollins Publishers, 2016, 224 p.
- Muravyev N. A., Olshevskaya M. Yu.** Approaches to the composition of lexical minima in Russia and abroad: problems and prospects. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17 (1), pp. 78–89. (in Russ.)
- Palkin A. D.** Filipp Fedorovich Fortunatov: An underestimated talent. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 13 (3), pp. 5–16. (in Russ.)
- Rossikhina M. Yu., Ikatova I. I.** Politeness theory: In search of effective research methodology in Western sociopragmatics. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20 (1), pp. 6–20. (in Russ.)

- Shakhmatov A.** On the history of Serbian-Croatian stresses. Warsaw, Tipografiya Mikhaila Zmeevicha, 1888, 71 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Doctrine of parts of speech. Moscow, URSS, Leland, 2006, 270 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Historical morphology of the Russian language. Moscow, Uchpedgiz, 1957, 399 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Research into Russian phonetics: History of the sounds “o” and “ye” in the Russian language. Moscow, URSS, Leland, 2015, 317 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Selected correspondence in 3 v. V. 1: Correspondence with F. F. Fortunatov, V. N. Perets, V. M. Istrin. Saint-Petersburg, DMITRII BULANIN, 2018, 11–26, 942 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Narrative of the Summoning of the Varangians. Moscow, URSS, Librokom, 2011, 82 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A., Broch O.** Correspondence. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovoykh, 2021, 430 p. (in Russ.)
- Smirnov P. I.** Perception of Russia. A sociologist’s insight. Saint Petersburg, Aleteya Publishing House, 2020, 574 p. (in Russ.)
- Soloveva I. V.** Language corpora data as the source of sociocultural information about *Pardon apology*. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17(1), pp. 125–133. (in Russ.)
- Vovina-Lebedeva V. G. A. A.** Shakhmatov and his selected correspondence. In: Shakhmatov A. A. *Izbrannaya perepiska: in 3 vol. Vol. 1: Perepiska s F. F. Fortunatovym, V. N. Peretsem, V. M. Istrinym*. Saint-Petersburg, DMITRII BULANIN, 2018, pp. 11–26. (in Russ.)
- Vovina-Lebedeva V. G., Sirenov A. V.** Introduction. In: Krylova O. N., Priyemysheva M. N. (eds.), *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn, tvorchestvo, nauchnoe nasledie. Sbornik statei k 150-letiyu so dnia rozhdeniya uchenogo*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2015, pp. 3–5. (in Russ.)

Информация об авторе

Палкин Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Alexei D. Palkin, Doctor of Philological Sciences, Professor

*Статья поступила в редакцию 19.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.11.2024; принята к публикации 06.12.2024*

*The article was submitted 19.08.2024;
approved after reviewing 27.11.2024; accepted for publication 06.12.2024*